

**ГОРБАТОВ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ**

доктор психологических наук, доцент,  
профессор кафедры прикладной социальной психологии и конфликтологии  
Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы,  
профессор кафедры менеджмента массовых коммуникаций  
Санкт-Петербургского государственного университета,  
gorbatov.rus@gmail.com

**DMITRIY S. GORBATOV**

D.Sc. (Psychology), Associate Professor,  
Professor at the Department of Applied Social Psychology and Conflictology  
of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work,  
Professor at the Department of Management in Mass Communications  
of Saint Petersburg State University

**МИХАЙЛОВА ИРИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА**

старший лаборант отдела образовательных программ,  
Управление образовательных программ Санкт-Петербургского государственного университета,  
i.mikhaylova@spbu.ru

**IRINA V. MIKHAYLOVA**

Senior Laboratory Assistant at the Department of Educational Programmes  
of the Office of Educational Programmes of Saint Petersburg State University

УДК 316.454.3

**ТЕОРИИ ТОЛПЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ  
КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА<sup>1</sup>**

**CROWD THEORIES IN RUSSIAN PSYCHOLOGY  
AT THE END OF 19<sup>th</sup> — BEGINNING OF THE 20<sup>th</sup> CENTURY**

*Аннотация. В фокусе внимания авторов статьи содержание теорий толпы, разработанных российскими учеными и общественными деятелями в период с 80-х годов XIX века до 30-х годов XX века. В частности, анализируется вклад Н.К. Михайловского, В.К. Случевского, Д.Д. Безсонова, В.М. Бехтерева, Л.Н. Войтоловского, В.А. Вагнера в изучение этого феномена. Специфика толпы как социального объединения, условия ее образования, возможная склонность к преступному поведению, изменения личности в толпе, особенности влияния вожжаков на ведомых — таковы вопросы, интересовавшие ученых того времени. При этом отмечается, что три ключевые парадигмы («психологического контагия», «индивидуала в толпе» и «стадного инстинкта»), определившие направления исследований стихийных групп в Западной Европе вплоть до середины XX века, берут свое начало в отечественных публикациях по данной проблематике.*

*ABSTRACT. The article considers the contents of crowd theories, proposed by Russian scientists and public figures from the 1880s to the 1930s. In particular, the contribution made by N.K. Mihaylovskiy, V.K. Sluchevskiy, D.D. Bezsonov, V.M. Bekhterev, L.N. Voytolovskiy, V.A. Vagner to studying this phenomenon is analyzed. The specifics of the crowd as a social association, conditions of its formation, possible tendency to criminal behaviour, changes of a personality in the crowd, leaders' impact on followers — these are the questions, which researchers were interested in at that time. It is noted that the three key paradigms («psychological contagion», «individual in the crowd» and «herd instinct»), which determined the study of elemental groups in Western Europe right up to the middle of the 20<sup>th</sup> century, originated in Russian publications on this subject.*

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект №18-013-00302, «Толпа и личность: историко-психологическое исследование теорий XIX — начала XX вв.».

*Ключевые слова:* толпа, исследования толпы, российские теории толпы, свойства толпы, влияние на личность в толпе, преступления толпы.

*KEYWORDS:* crowd, study of the crowd, Russian crowd theories, properties of the crowd, influence on the individual in the crowd, crimes of the crowd.

## Введение

С 80-х годов XIX века до начала 30-х годов XX века представители российской психологической мысли сформулировали ряд объяснений массового поведения, не уступавших трактовкам признанных европейских исследователей того времени. Каким образом толпа влияет на личность, а личность на толпу? Что усиливает или уменьшает такое влияние? Насколько существенные трансформации личность претерпевает в толпе? Чем толпа отличается от других социальных объединений? Является ли склонность к преступлению органически ей присуща? Как управлять толпой? Каким образом не стать ее жертвой? В ответах на эти вопросы были заинтересованы не только государственные деятели, праведы и военные, революционеры и служители правопорядка, но и широкая публика, пытающаяся осмыслить текущие социальные изменения и тем самым подготовиться к предстоящим.

Для иллюстрации своих воззрений многие обращались к сцене убийства М. Верещагина, с художественной полнотой и жизненной правдой отраженной в романе «Война и мир»<sup>2</sup>. Известно, что в основу этого фрагмента повествования Л. Н. Толстой положил рассказ непосредственного очевидца [25]. Многократно переделывая текст, он добился предельной внутренней логики в описании поступков и эмоциональных реакций толпы. Воспользуемся данной сценой для анализа идей отечественных исследователей.

## Теория «героев и толпы» Н. К. Михайловского

Публицист, социолог и литературный критик Н. К. Михайловский (1842–1904) проанализировал природу стихийных объединений в работах «Герои и толпа» (1882) и «Еще о толпе» (1893), вошедших в прижизненное собрание сочинений [16].

Бессознательное подражание как феномен гипнотического порядка, характерное для толпы, согласно Н. К. Михайловскому, имеет ближайшими аналогами влияние публичных казней на рост преступлений, психические эпидемии, серии самоубийств, массовые религиозные движения Средневековья, появления стигматов. С заметно меньшей мерой обоснованности тезис о подражании был распространен на мимирию насекомых, рыб и млекопитающих, овец и коз библейского Иакова, воспроизводивших в приплоде пестроту предметов, подброшенных в поилку, или случаи рождения изломанных младенцев женщинами, за несколько дней (!) до этого пришедших в ужас от работы палача.

В то же время он резко критиковал Г. Тарда [22], который обнаружил в подражании чуть ли не универсальную константу мироустройства, проигнорировав то, что данный феномен существует в контексте социальных факторов, обуславливающих мотивы выгоды, нравственной обязанности, тщеславия, соревновательности, страха наказания и др. Все это не дает оснований полагать, что «прививая себе оспу, мы подражаем Дженнеру, применяя паровую машину, подражаем Уатту, езда в Америку, подражаем Колумбу» [16, с. 396].

Сама же толпа воспринималась им как «податливая масса, готовая идти «за героем» куда бы то ни было и томительно и напряженно переминающаяся с ноги на ногу в ожидании его появления» [16, с. 146]. При этом роль «героя» отводилась ситуативному лидеру — тому, кто увлекает примером, первым «ломает лед», делая один шаг, которого невольно ожидают другие, чтобы слепо последовать за ним. Далекое не всегда он противопоставлен толпе в качестве «великого человека», напротив, он сам является «человеком толпы», и в нем сконцентрированы ее силы, чувства, инстинкты, желания.

С его точки зрения, «героем» в сцене убийства Верещагина был не московский главнокомандующий и не подавший команду офицер, а тот солдат, что «с исказившимся злобой лицом» первым нанес удар. По утверждению Н. К. Михайловского, не имеет значения, из каких соображений действовал драгун, бил ли он из трусости или храбрости, ненависти или тупого повиновения. Более важными представлялись конкретные проявления «героического» поведения, позволившие исследователю перейти от субъективных трактовок «меры величия» в духе Т. Карлейля [14] к постановке, а потом и к частичному разрешению задачи по выявлению «механики отношений между толпой и тем человеком, которого она признает великим» [16, с. 99].

Почему же толпа в данном случае проявила свою склонность к подражанию? Ответ можно найти в одной из последующих публикаций, где автор упомянул о своеобразном «обаянии», секрет которого в «резком, энергическом» действии [16, с. 404]<sup>3</sup>. В силу этого герой увлекает за собой дру-

<sup>3</sup> Примечательно, что понятие «обаяния» (*prestige*) использовал Г. Лебон [15], что может быть объяснено влиянием предшествующих работ, посвященных «нравственной заразе» (*contagion morale*). Не новым было и применение эпитета «энергический». Так, по отношению к вожаку толпы его можно найти в ранней публикации В. Х. Кандинского [13]. Тем не менее научный приоритет Н. К. Михайловского в построении того, что позже стало парадигмой «психологического контагия», представляется неоспоримым:

<sup>2</sup> Толстой Л. Н. Собр. соч. в 22 т. Т. 6. М., 1980. С. 356–360.

гих к дурному или хорошему, бессмысленному или разумному. При этом он вольно или невольно ведет себя как «магнетизер, делающий гипнотический опыт» [16, с. 189]: на фоне однообразных впечатлений, создавших условия к образованию скученной массы, поражает ее восприятие, вызывает концентрацию сознания на своих действиях при отвлечении от прочих особенностей ситуации.

Следует констатировать, что гипнотическая модель коммуникации в толпе, разработанная Н. К. Михайловским в контексте идеи подражания ситуативному «герою», оказалась достаточно перспективной. Одни из последующих исследователей данного феномена независимо от него пришли к похожим представлениям [15; 19; 23; 30], другие мыслили в рамках очерченной парадигмы [17; 18; 21 и др.], третьи активно полемизировали с ним [2; 6; 9], развивая собственные подходы.

### Концепция «звериного начала» В. К. Случевского

Известный юрист, профессор уголовного права В. К. Случевский (1844–1926) в двух номерах журнала «Книжки недели» (1893) опубликовал статью «Толпа и ее психология» [21], вызвавшую большой общественный интерес.

В первой части он сосредоточился на сущности толпы как особом социальном организме, образуемом на почве единства мыслей, чувств и симпатий. В качестве ее важнейших характеристик В. К. Случевский выделил возбудимость по ничтожным поводам; моноидеизм как господство одной идеи или чувства, поглощающее все душевные силы; легковерие или не критичность отношения к самой себе и окружающей обстановке; склонность к искажениям восприятия вплоть до коллективных галлюцинаций; крайнюю жестокость и разрушительность действий. Однако другие исследователи высказали по этому поводу ряд возражений. В частности, Н. К. Михайловский [16] объяснил акцентирование внимания В. К. Случевского на жестокости толпы шокирующим впечатлением от холерных беспорядков начала 90-х годов XIX века. В. М. Бехтерев [5] связал жестокость с высокой возбудимостью толпы, т. е. признал ее производной от иного признака. Д. Д. Безсонов [1], также усомнившись в неременной жестокости толпы, указал, что ее легковерие является следствием господства устоявшейся идеи, а не самостоятельным признаком. А. С. Резанов [18] счел возможным констатировать, что каждое из этих свойств (за исключением моноидеизма) выделено весьма произвольно и голословно.

Большого внимания заслуживают мысли В. К. Случевского о том, что в социальной психологии XX века получило наименование «посылов к агрессии» [27], тех особенностей ситуации, которые на фоне фрустрации, ассоциируясь с насилием,

«запускают» закрепленный паттерн агрессивного поведения. Восприятие страданий, вид крови, трупов, оружия, по мнению В. К. Случевского, действуют на толпу самым возбуждающим образом. Так, в сцене убийства Верещагина определяющую роль он приписал жалобному крику, вырвавшемуся после удара палашом. Последующие мучения жертвы лишь усиливали ярость толпы, уже не разбивавшую, кто именно должен быть убит.

Рассуждая о том, почему человек способен меняться в толпе вплоть до забвения нравственных ориентиров, он ссылаясь на то, что вне сферы сознания, в тайниках души скрывается «звериное начало», просыпающееся в благоприятных условиях: «Кто только в мыслях своих, самопроизвольно возникших и затем бесследно исчезнувших за отсутствием потребной для их дальнейшего развития почвы в личных его свойствах, не совершал тяжких преступлений или, по крайней мере, не желал наступления таких событий, для осуществления которых он никогда не решился бы приложить руку!» [21, с. 37].

Такое суждение со времен Т. Гоббса сохраняло востребованность в общественных науках (например, [19, с. 63–65]) и не менее своих альтернатив было пригодно для объяснения индивидуальных различий при определении меры вменяемости и степени ответственности участников массовых беспорядков, что для правоведа В. К. Случевского имело особое значение. Анализируя во второй части статьи собственно юридические аспекты проблемы, автор утверждал, что сознание и воля не уничтожаются до степени, освобождающей от уголовного преследования. По крайней мере, зачинщики беспорядков, те, кто примером увлекал других на путь преступлений, подлежат строгому взысканию<sup>4</sup>. В отношении же пассивного элемента более целесообразным окажется прощение прошлой вины, ибо толпа опасна только до тех пор, пока она существует.

### Теория «индивида в толпе» Д. Д. Безсонова

В диссертации, опубликованной в 1907 году, Д. Д. Безсонов (1859–?) утверждал, что при изучении толпы допущен ряд методологических просчетов, следствием которых стали предвзятость и противоречивость трактовок. В частности, толпа не должна изучаться сама по себе, в изоляции

<sup>4</sup> Данная точка зрения характерна для юристов того времени. Автор лишь одной публикации (Обнинский, 1893) выразил сомнение в правомерности наказания вдохновителей толп, разрушающих больницы и избивающих врачей. По его мнению, невежественная и обезумевшая от страха толпа лишь защищалась, поверив слухам о том, что «господа, чтобы не отдавать крестьянам <...> своих земель, задумали морить народ: из подозрительной трубы пускают они в него холерную шару; доктора и полиция ими подкуплены <...> живых засыпают известкой и кладут в гробы; отравляют реки и колодцы; строят какие-то холерные бараки и в них разводят холеру; заготавливают багры и крючья, чтобы таскать туда здоровых людей; а никакой холеры нет, а если бы и пришла, то противиться Божьему изволению грех» [17, с. 4-5].

наблюдения и обобщения, рассыпанные в трудах по психиатрии, гипнологии, истории и юриспруденции, благодаря его усилиям впервые приобрели определенную последовательность.

от других явлений общественной жизни. Перенеся в психологию масс из области уголовного права представление о трех факторах преступности — социальных, антропологических и физических — европейские ученые [23; 28; 30 и др.] недооценили значение первого из них, проигнорировав, «что толпа, этот автор жизненной драмы, имеет свой пролог, свою историю образования и постепенного развития, где толпа является только финалом» [1, с. 87]. Соответственно, склонность к преступному поведению не может априори считаться ее характеристикой. Далее, ему казалось очевидным, что не толпа, а человек в условиях толпы должен стать предметом научного исследования. Приписывание же всей толпе свойств людей из ее рядов создает ложный образ особого «существа», обладающего всевозможными пороками и некоторыми добродетелями человеческого рода, но не приближает к пониманию происходящего<sup>5</sup> [2].

Предлагая различать толпу пассивную (выживающую) и активную (действующую), диссертант настаивал на том, что общность состояний наблюдается только в первой из них, тогда как во второй, напротив, индивидуальные свойства получают отчетливое выражение. Таким образом, влияние толпы «распространится на каждого, но по содержанию своему оно будет разнообразно: один почувствует робость, даже страх, другой — подъем духа, этот сольется с массой, а тот почувствует себя чуждым ей и, быть может, останется таким навсегда» [1, с. 33].

Обращаясь к сцене из «Войны и мира», он объяснял поведение собравшихся тем, что они действительно поверили в преступление арестанта. Однако определяющую роль в этом сыграл не Растопчин, а сам Верещагин. О том, что он уличенный изменник, свидетельствовали, с точки зрения толпы, покорная поза, нежелание оправдываться, беспокойное выражение лица, робкий и неестественно-театральный голос. Озлобленные приходом французов, утомленные скученностью, люди не творили самосуд, но пришли на помощь правосудию, когда жертва попыталась, как показалось им, избежать справедливой кары.

Под влиянием толкотни и давки, дискомфорта и монотонии у них произошла характерная для пассивной толпы дизагрегация сознания [20], «расщепление духа», при котором рефлекторная, «подбодрственная» часть психики вступила во взаимодействие с внешним миром. И когда толпа вновь стала активной, индивиды в ней, отчасти утратив самоконтроль, сохранили различия в поведении: одни бросились добивать «изменника», другие

нашли выход для раздражения в новой жертве, третьи пытались удержать их от насилия, тогда как четвертые проявили пассивность.

Идея противопоставления двух типов сознания была характерна для проблематики того времени. Но там, где другие исследователи [15; 19; 24; 30 и др.] рассуждали о доминировании над индивидуального, нивелировке различий и подчинении личности императивам «коллективной души», Д. Д. Безсонов занял иную позицию, связав возможность реализации персональных предрасположенностей с активностью или пассивностью самой толпы. Однако при невозможности установления «дизагрегации» сознания в толпе методами психофизиологии ссылаясь автора на внешние признаки этого феномена — увеличение индивидуальных различий в активной толпе, представляется чрезвычайно сомнительной [12]. Вполне вероятно, что желаемое оказалось принято за действительное: если в активной толпе любые действия предельно заметны, то и индивидуальные различия в этих действиях проявляются во всей полноте. Это не означает того, что в пассивной толпе таких различий не существует, они лишь в меньшей мере доступны для наблюдения.

#### Рефлексологический подход В. М. Бехтерева

Среди более чем шести сотен работ, опубликованных В. М. Бехтеревым (1857–1927), не было тех, которые бы он посвятил исключительно толпе, однако интерес выдающегося невропатолога, психиатра и психофизиолога к стихийным объединениям можно проследить на протяжении более 20 лет — начиная с речи «Роль внушения в общественной жизни» [3] вплоть до монографии «Коллективная рефлексология» [5].

В качестве определяющей черты толпы им рассматривалось единство настроения, подъем которого сопряжен с наступательной активностью, а упадок чреват паникой под влиянием случайных стимулов. Кроме того, толпа характеризовалась моноидеизмом или «одноцельностью», особой впечатлительностью, высокой возбудимостью, переходящей в жестокость, легковерием, безрассудством, рефлексивностью действий, недостатком стойкости, переменчивостью, склонностью к стадной подчиненности. Предельно отчетливо, по словам В. М. Бехтерева, в ней проявляется тенденция к подавлению личности и нивелировке различий: «Те лица из офицерской среды <...> пережившие русскую революцию, с которыми мне пришлось беседовать, единогласно утверждают, что, говоря в отдельности с тем или другим солдатом, не трудно его убедить в разумном отношении к делу, но как только тот же солдат находится в толпе на митинге, он подчиняется общему лозунгу при заранее подготовленной резолюции и заявляет согласие с ней возгласом «Правильно! Правильно!...» [5, с. 97].

Описывая влияние на личность в толпе, В. М. Бехтерев особое внимание уделил взаимному внушению. Суть его в том, что при ограничении движений и сосредоточении внимания на чем-то одном наступает неизбежное утомление. Тем самым создается предпосылка к тому, чтобы чужие

<sup>5</sup> Высказав аналогичные замечания в адрес первых теорий толпы, Ф. Олпорт [26] обозначил их как «групповую ошибку» (*group fallacy*), тенденцию опираться на понятие группы при объяснении индивидуальных реакций. Согласно автору теории конвергенции, она принимает две формы: приписывания группе сознания или коллективного разума, сугубо индивидуальной характеристики, и объяснения поведения толпы с точки зрения групп или культур без отношения к первопричинам.

идеи и чувства усваивались пассивно, незаметно и некритично, проходя не через «личное» сознание каждого, а через сознание «общее» или подсознание. Избежав контроля со стороны Я, они начинают влиять на личность как бы «изнутри», предварительно уже закрепившись в ее глубинах. Сила такого воздействия весьма велика: «И если бы можно было сосчитать те жертвы, которые прямо или косвенно обязаны влиянию этого психического микроба, то вряд ли число их оказалось бы меньшим, нежели число жертв, уносимых обыкновенным физическим микробом во время народных эпидемий» [4, с. 173].

Сцена самосуда над Верещагиным рассматривалась им в качестве примера того, как умело инициированный эффект взаимовнушения овладевает толпой. Но можно ли утверждать, что дело сводится только к нему? Известно, что В.М. Бехтерев широко определял спектр воздействий на личность в толпе, наряду с взаимовнушением включая в него словесное убеждение, непосредственное подражание и «взаимную индукцию» (телепатию). Так, он утверждал, что на толпу можно повлиять рассуждениями, по крайней мере, когда она настроена спокойно. Доводы ораторов, разумеется, должны быть ясными, простыми, снабженными примерами. Что касается процессов подражания, то, по его мнению, типичная для толпы склонность к повторению действий, призывов и жестов приводит к тому, что почин одного «наподобие заразы» мгновенно охватывает многих. Более того, для эмоционально возбужденных людей язык экспрессивных движений сильнее слова: «Заразительная сила действий в толпе общеизвестна. Человек, возбуждающий против себя злобу толпы, мог бы спастись, если бы стоящий вблизи его сосед не ударил его. Это служит сигналом — на него тотчас же набрасываются, и самосуд толпы имеет свою жертву» [5, с. 110].

Представляются интересными взгляды ученого на процесс так называемой взаимной индукции, передачи мысленных образов из нервных центров мозга, без внешних сигналов, доступных для органов чувств. Ссылаясь на отсутствие убедительных доказательств, ранее он не раз скептически отзывался о ее существовании [3; 4 и др.]. Исследователи случаев «отгадывания» мыслей или предметов, таинственных психических «N-лучей» и тому подобного действительно не раз становились жертвами нарушений методологии экспериментального поиска или прямого мошенничества. Однако на страницах «Коллективной рефлексологии» по итогам серии экспериментов он признал наличие подобной «индукции», в том числе распростирав ее действие на толпу.

Теория толпы разрабатывалась В.М. Бехтеревым в контексте построения новой, «объективной» науки о социальном поведении. Изучение человеческих общностей было ориентировано на установление связей между регистрируемыми реакциями и предшествующими внешними воздействиями. Выполнение такой задачи потребовало не только отказа от субъективной интроспекции, но и опоры на систему понятий, допускающих единообразное истолкование, операциональное

выражение, однозначную фиксацию проявлений. В этом качестве выступили «коллективные рефлексы» — высшие сочетательные (выработанные) и наследственно-органические (инстинктивные), подразделяющиеся на наступательные и оборонительные, мимико-соматические, совместного наблюдения, общего сосредоточения и проч.

Заметим, что в качестве *способа интерпретации* процессов, происходящих в толпе, коллективная рефлексология до сих пор представляет интерес. К примеру, она дает объяснение, как средство достижения некоей цели начинает замещать саму цель. С точки зрения В.М. Бехтерева, первоначально цель служит возбудителем рефлекса, но со временем средство как явление, предшествующее и сопутствующее цели, становится самостоятельным раздражителем, возбуждающим иной сочетательный рефлекс. Так, «во время великих революций проповедь свободы и равенства как средства к общественному благополучию, в конце концов, становится самоцелью, приводя на первых порах к разрушению социального благополучия» [5, с. 151]. Заслуживает внимания логика рефлексологических рассуждений о влиянии мимико-соматических реакций на формирование готовности к действию, динамике отношений к кумирам и убеждениям, механизмах массовых галлюцинаций, общих принципах управления толпой, закономерностях паники и агрессии.

Однако та степень точности данных и обоснованности выводов, к которой стремился В.М. Бехтерев, представляется недостижимой вне лаборатории [11]. Возможности рефлексологического подхода как *метода эмпирического изучения* стихийных объединений ограничивают структурная сложность действий толпы, где коллективные рефлексы существуют в виде конгломерата, не поддающегося исчерпывающему анализу; невозможность изучать воздействия на толпу в изоляции от комплекса предшествующих и текущих общественных процессов; заведомый субъективизм в определении границ принципиально важного периода скрытого формирования рефлекса; наконец, необходимость учета различий толп как переменной, опосредующей связь между стимулами и реакциями.

#### **Эмотивно-центрированный подход Л.Н. Войтоловского**

Среди трудов по проблематике толпы работы Л.Н. Войтоловского (1876–1941) располагаются особняком. Иначе не могло быть: участник студенческих беспорядков, ветеран империалистических войн, делегат II съезда Советов, контуженный на польском фронте, воспринимал себя строителем нового мира, проводником марксистских идей в искусстве и общественной науке.

Уже в первой его работе содержатся слова о классовой солидарности, творческом энтузиазме масс, социальных идеалах, предстоящей борьбе [8]. Через 20 лет на правах представителя победителей он уверенно пишет о «неотразимых» законах истории, грядущих завоеваниях социализма, партии как вожде пролетариата, вождах партии — уникальных

людях будущего, непрерывном нарастании духа «коллективного восторга» и особенной «прибавочной энергии» человеческих собраний [10].

С точки зрения Л. Н. Войтоловского, авторы первых теорий толпы исказили сущность феномена, безосновательно приписав стихийному объединению черты преступности, порока, стадного легкомыслия, интеллектуального убожества, патологической восприимчивости. В этом проявилось их «аристократическое полупрезрение-полунедоверие к черни», пристрастие к субъективному социологизму, в основе которого игра словами, «бесплотная фикция, алхимия коллективной души» [9, с. 27, 21].

По его мнению, сущность толпы — во взаимном воодушевлении, поднимающемся до экстаза при ощущении общей цели, общности действий, чувствах физического могущества и внутреннего единения. «Когда две свободские улицы, — рассказывал он, — устраивают кулачные бои и стеной идут друг на друга, то не жажда расквасить нос противнику гонит в круг стариков и малолетних, а тот пьянящий и волнующий хмель, который растет во взбудораженной толпе. Так точно и полумиллионные «ходьки» возникают не потому, что <...> обывателю посулили задаром пятакопеечную булку. Главная притягательная тайна таких скопищ — не пятак и не кружка, а жажда братской общности и коллективных восторгов» [10, с. 27–28].

Автор провозгласил закон «конденсирующего действия масс», по которому «личность, попадая в толпу, становится ареной усиленных токов телесной и эмоциональной энергии» [9, с. 76]. Естественнаучным обоснованием этого послужила теория Джемса — Ланге, где эмоциям отводилась роль своеобразных «ярлыков», используемых сознанием для дифференциации физиологических состояний. Первичными же считались изменения в мышцах, сосудах и внутренних органах, связанные с поведенческим актом.

С позиции Л. Н. Войтоловского, пребывание в толпе влияет на физиологию людей, способствует повышению тонуса организма, приливу животной энергии, что ведет к усилению эмоциональной экспансивности и импульсивности действий на фоне временного ослабления интеллекта и волевого начала. Поэтому неприемлемо говорить об угнетении личности толпой, не обращая внимания на взрывы человеческой силы и страсти, кипучесть порывов и своеобразное одухотворение. Скорее наоборот: «Толпа, приобщая отдельную личность, концентрирует силы последней <...> наделяет ее особой прибавочной энергией масс» [10, с. 96].

Анализируя сцену самосуда в «Войне и мире», исследователь выделил два периода — «эмоционального движения» и «концентрации чувства» [9, с. 71]. Вначале толпа обнаруживает обычную готовность к заражению каким угодно переживанием — гневом от возгласов Растопчина, смесью ужаса и удивления от вскрика Верещагина. В этот момент она может поддаться жалости, проникнуться чужим горем или рассмеяться шутке. Но смех или жалость толпы — еще не спасение для жертвы: дальнейшее нарастание энергетических процессов, вызвав

физиологические изменения, приведет ее к вспышке ярости. На втором этапе не слова, но звуки голоса обвинителя и его жертвы становятся искрой, вызвавшей заранее подготовленный взрыв. Теперь толпа, охваченная страстью убийства, лишь стремится скорее дойти до крайних проявлений этого чувства.

Касаясь вопроса влияния на толпу, Л. Н. Войтоловский обосновывал необходимость различать вожжаков и вождей. Одни исполняют актуальные желания толпы, формулируя ее чувства и направляя силы, тогда как другие, имя которых «занесено в революционные святцы», полностью овладели доверием масс, выступили живым воплощением классовой воли. Само имя вождя становится символом конкретных действий и целей, гарантируя массовый энтузиазм [10].

Вряд ли стоит полагать, что преследования самого автора и членов его семьи оказались связаны с пропуском одного из имен в перечне вождей или обильным цитированием Л. Троцкого. Более вероятная причина в том, что закончились времена, когда под влиянием пламенных речей скопища дезертиров становились отрядами революции. «Ораторов» сменили «организаторы»<sup>6</sup>. Толпа стала восприниматься как враждебная стихия, противопоставленная иерархически структурированным, а потому более предсказуемым и управляемым социальным объединениям.

### Теория стадного инстинкта В. А. Вагнера

Для биолога и зоопсихолога В. А. Вагнера (1849–1934), опубликовавшего в 1905 году статью «Биология и психология толпы» [6] и вновь обратившегося к этой проблематике в монографии 1929 года [7], толпа — шаг назад в социальной эволюции. Ее появление возможно только в ситуациях, когда люди перестают руководствоваться опытом и интеллектом, следуя императивам примитивных инстинктов.

Нередко склонность к агрессии связана не с тем, что на толпу начинают влиять вожаки. Напротив, воздействие последних проявляется в той мере, в которой толпа успела попасть под власть инстинкта и стала действовать как нерассуждающий зверь, слепой раб внерассудочного побуждения. Таким образом, не Растопчин, апеллировавший к стадному чувству простонародья, управлял толпой, а атмосфера всеобщего бедствия, охватившая Москву накануне вступления в нее Наполеона, сделала возможным преступление. Выделившиеся вожаки толпы не превосходили окружающих волей или умом, опытом или знаниями, они лишь раньше и сильнее других уступили запросам инстинкта

<sup>6</sup> Показательно, что в работах И. В. Сталина морфема «толпа» является одной из самых редких. В 13 томах собрания сочинений она встречается только восемь раз, из которых пять приводятся в чьих-то цитатах. Большая часть соответствующих словоупотреблений относится к первому тому, объединяющему тексты, написанные в период деятельности в Тифлисе до апреля 1907 года.

и потому смогли направить «стадо» на первую подходящую жертву.

В. А. Вагнер признавал влияние на толпу *массового* инстинкта, при котором физическое воздействие одних особей на других, выражающееся в касаниях и столкновениях, движениях перед глазами, шуме при перемещениях, трансформируется в нервное возбуждение. Однако он не считал этот фактор определяющим, большее значение приписывая инстинкту *стадному*, предполагающему подражание особям, первым отреагировавшим на критическое изменение ситуации. Как противовес ему исследователь выделял категорию *социальных* инстинктов, выражающихся в симпатии и альтруизме. И если социальные инстинкты животных проявляются лишь при благоприятных условиях и отступают, как только стадный инстинкт выходит на поверхность психики, то в человеческом обществе между ними происходит вечная борьба, создающая личность.

### Общие выводы

Социальный заказ того времени в целом был выполнен — действия участников холерных бунтов, крестьянских волнений, погромов, уличных беспорядков получили объяснения. Однако на примере сцены убийства Верещагина в «Воине и мире» можно увидеть, что исследователи заняли противоположные позиции в интерпретации произошедшего. Подражание, внушение, убеждение, «непосредственная индукция», эмоциональное заражение, «стадный инстинкт» — таков перечень их ответов на вопрос «Каким образом осуществляется связь личности и толпы?».

Принципиальные ограничения рассмотренных теорий обнаруживаются при выделении следующей последовательности эпизодов повествования: 1) от появления массы обывателей на дворе Раstopчина до его обращения к ним с балкона; 2) от обвинения Верещагина в деянии, «от которого погибла Москва», до призывов к расправе; 3) от поступления прямого приказа до нападения толпы; 4) от убийства «злодея» до перехода автора к новым событиям.

По Н. К. Михайловскому [16], ключевой момент сводится к поступку второстепенного персонажа в третьем эпизоде. Получается, если бы драгун продемонстрировал другое, но не менее «энергическое» действие, например, солидаризировался с жертвой, то это предопределило бы принципиально иное поведение толпы. Однако оснований для подобной уверенности явно недостаточно. По мнению В. К. Случевского [21], разделившего точку зрения Толстого, жертву погубила произвольная реакция на боль в том же третьем эпизоде. Но опыт подсказывает, что нападения случаются и без «посылов» к агрессии, поэтому совершенный самоконтроль вряд ли спас бы жертву. По соображениям Д. Д. Безсонова [1], к убийству подтолкнули внешний вид и поведение Верещагина, описанные во втором и третьем эпизодах. Однако отсюда не следует, что убежденность в собственной правоте гарантировала бы его безопасность в толпе. Поэтому вряд ли есть основания для выделения этого фактора в качестве определяющего. С позиций В. М. Бехтерева [5], особое значение

имели действия московского главнокомандующего, включенные в эпизод второй. Но если все сводится к специфике управляющего воздействия, то поведение толпы приобретает избыточно механистический и упрощенный характер. По мысли Л. Н. Войтоловского [9], разобраться в ходе событий можно, проследив общие эмоции, нарастающие от первого до четвертого эпизода включительно. Однако если динамика физиологии толпы напрямую обуславливает ее активность, не означает ли это, что время пребывания в ней становится чуть ли не определяющей детерминантой экстремистского поведения? Кроме того, игнорирование когнитивных аспектов произошедшего, например динамики идентичности и самокатегоризации собравшихся, ограничивает объяснительный потенциал такого подхода. Согласно В. А. Вагнеру [6], имело место стадное проявление инстинкта самосохранения, предпосылки к которому созданы еще до первого эпизода лишениями и опасениями военного времени. Возможно, что к трагедии привело безотчетное стремление нерассуждающего «стада» следовать в этих условиях за вожаками. Тем не менее специфика стадной парадигмы объяснять социальное поведение, детально не объясняя ничего, создает очевидные ограничения к ее применению.

Наряду с этим следует констатировать, что качество научного объяснения для своего времени оказалось достаточно приемлемым. В частности, большинству отечественных ученых (за исключением Л. Н. Войтоловского) удалось избежать методологической ошибки, получившей распространение среди зарубежных исследователей [19; 23; 24; 28; 30 и др.] — склонности подводить под общее наименование толпы чуть ли не любые социальные объединения. Тем самым создавалась неоправданная предпосылка к тому, чтобы приписывать им поведенческие характеристики собственно толпы. Избежали они (за исключением В. К. Случевского) еще одной крайности — тенденции воспринимать толпу как заведомо преступную, что проявилось в трудах западных представителей антрополого-криминалистического подхода [12]. Наконец, представляется существенным, что, не ограничиваясь описаниями толпы, многие отечественные ученые перешли к объяснениям, базирующимся на достижениях физиологии начала XX века.

Особо отметим, что в отечественной психологии толпы несколько раньше, чем на Западе, были заложены основы трех основных для того времени исследовательских подходов. Так, статья Н. К. Михайловского (1882) закрепила за ним приоритет в описании бессознательного подражания в качестве гипнотического явления, меж тем как в западноевропейской науке парадигма «психологического контагия», рассматривавшая стихийные объединения в контексте сочетания подражания, внушения и заражения, оформилась лишь в начале 1890-х. Описание индивидов в толпе, содержащееся в диссертации Д. Д. Безсонова (1907), во многом предвосхитило трактовку Ф. Олпортом (1924) стихийной группы как конвергенции персональных предрасположенностей [26]. Публикация В. А. Вагнера (1905) о стадных,

массовых и социальных инстинктах на несколько лет опередила попытку У. Мак-Дауголла (1908) заложить фундамент социальной психологии на основе инстинктов [29].

Однако уже с 30-х годов XX века научное изучение толпы стало означать вызов власти, политическую

ошибку или даже преступление. Остается лишь предполагать, каковы были перспективы развития объяснительного потенциала этих теорий, если бы отечественная традиция изучения стихийных объединений не оказалась прервана по далеким от науки соображениям в начале своего пути.

1. Безсонов Д. Д. Массовые преступления в общем и военно-уголовном праве: дис. СПб.: типо-лит. К. Л. Пентковского, 1907. 480 с.
2. Безсонов Д. Д. К вопросу о психологической стороне массовых преступлений // Журнал министерства юстиции. 1907. № 3. С. 106–150; № 4. С. 115–173.
3. Бехтерев В. М. Роль внушения в общественной жизни. СПб.: т-во К. Л. Риккера, 1898. 55 с.
4. Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб.: т-во К. Л. Риккера, 1908. 144 с.
5. Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. Пг.: Колос, 1921. 432 с.
6. Вагнер В. Биология и психология толпы // Образование. 1905. № 9. С. 143–184.
7. Вагнер В. А. Психологические типы и коллективная психология (по данным биологических наук). Л.: Начатки знаний, 1929. 224 с.
8. Войтоловский Л. Н. Роль чувства в коллективной психологии (опыт психофизиологического исследования толпы). Киев: типо-лит. т-ва И. П. Кушнерев и К°, 1904. 47 с.
9. Войтоловский Л. Очерки коллективной психологии: в 2 ч. Ч. 1: Психология масс. М.-Л.: Гос. изд-во, 1925. 88 с.
10. Войтоловский Л. Очерки коллективной психологии: в 2 ч. Ч. 2: Психология общественных движений. М.-Л.: Гос. изд-во, 1925. 119 с.
11. Горбатов Д. С., Большаков С. Н. Теории толпы в советской психологии 20-х гг. // Вопросы психологии. 2015. № 2. С. 130–139.
12. Горбатов Д. С., Большаков С. Н. Феномен толпы в отечественной психологии: две диссертации 1907 г. // Вопросы психологии. 2015. № 5. С. 116–124.
13. Кандинский В. Нервно-психический контагий и душевные эпидемии // Природа. 1876. Т. 4. Кн. 2. С. 138–191.
14. Карлейль Т. Герои и героическое в истории. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1891. 352 с.
15. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1896. 329 с.
16. Михайловский Н. К. Сочинения: в 6 т. Т. 2. СПб.: Русское богатство, 1896. 886 с.
17. Обнинский П. Contagion morale и холерные беспорядки // Журнал гражданского и уголовного права. 1893. Кн. 1. С. 1–14.
18. Резанов А. С. Армия и толпа. Опыт военной психологии. Варшава: Варшавская эстетич. тип., 1910. 103 с.
19. Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. СПб.: тип. Ю. Н. Эрлих, 1893. 116 с.
20. Сидис Б. Психология внушения. СПб.: тип. Б. Н. Звонарева, 1902. 376 с.
21. Случевский В. К. Толпа и ее психология // Книжки недели. 1893. № 4. С. 5–38; № 5. С. 5–23.
22. Тард Ж. Законы подражания. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1892. 370 с.
23. Тард Г. Преступления толпы. Казань: типо-лит. Императорского университета, 1893. 44 с.
24. Тард Г. Общественное мнение и толпа. М.: тип. А. И. Мамонтова, 1902. 201 с.
25. Шкловский В. Б. Повести о прозе. Размышления и разборы // Избранное: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1983. 639 с.
26. Allport F. H. Social psychology. Boston: Houghton Mifflin Co., 1924. 453 p.
27. Berkowitz L. The frustration-aggression hypothesis revisited. In: Roots of aggression: A re-examination of the frustration-aggression hypothesis. New York: Atherton Press, 1969, pp. 1–28.
28. Fournial H. Essai sur la psychologie des foules: Considérations médico-judiciaires sur les responsabilités collectives [Essay on the psychology of the crowd: Medico-judicial considerations of collective responsibilities]. Lyon: A. Storck; Paris: G. Masson, 1892. 113 p. (In French).
29. McDougall W. An introduction to social psychology. London: Methuen and Co., 1908. 355 p.
30. Sighele S. L'intelligenza della folla [Intelligence of the crowd]. Torino: Fratelli Bocca, 1903. 168 p. (In Italian).

#### References

1. Bezsonov D. D. *Massovyye prestupleniya v obshchem i voyenno-ugolovnom prave* [Mass crimes in common and military criminal law]. St. Petersburg: Tipo-litografiya K. L. Pentkovskogo Publ., 1907. 480 p. (In Russian).
2. Bezsonov D. D. K voprosu o psikhologicheskoy storone massovykh prestupleniy [On the psychological side of mass crimes]. *Zhurnal ministerstva yustitsiy — Journal of the Ministry of Justice*, 1907, (3), pp. 106–150; (4), pp. 115–173 (in Russian).
3. Bekhterev V. M. *Rol vnusheniya v obshchestvennoy zhizni* [The role of suggestion in social life]. St. Petersburg: t-vo K. L. Rikquera Publ., 1898. 55 p. (In Russian).
4. Bekhterev V. M. *Suggestion and its role in social life*. New Jersey: Transaction Publishers, 1998. 228 p.
5. Bekhterev V. M. *Collective reflexology: The complete edition*. New Jersey: Transaction Publishers, 2001. 534 p.
6. Vagner V. A. *Biologiya i psikhologiya tolpy* [Biology and psychology of the crowd]. *Obrazovaniye — Education*, 1905, (9), pp. 143–184 (in Russian).

7. Vagner V.A. *Psikhologicheskiye tipy i kollektivnaya psikhologiya* (Psychological types and collective psychology). Leningrad: Nachatki znaniy Publ., 1929. 224 p. (In Russian).
8. Voytolovskiy L.N. *Rol chustva v kollektivnoy psikhologii (opyt psikho-fiziologicheskogo issledovaniya tolpy)* [The role of feeling in collective psychology (the experience of a psychophysiological study of the crowd)]. Kiev: Lito-tipografiya I.N. Kushnerev i K Publ., 1904. 47 p. (In Russian).
9. Voytolovskiy L.N. *Ocherki kollektivnoy psikhologii: v 2 chastyakh. Chast 1. Psikhologiya mass* (Collective psychology essays: In 2 parts. Part 1. Psychology of the masses). Moscow-Petrograd: The State Publishing House Publ., 1925. 88 p. (In Russian).
10. Voytolovskiy L.N. *Ocherki kollektivnoy psikhologii: v 2 chastyakh. Chast 2. Psikhologiya obshchestvennykh dvizheniy* [Collective psychology essays: In 2 parts. Part 2. Psychology of social movements]. Moscow-Leningrad: The State Publishing House Publ., 1925. 119 p. (In Russian).
11. Gorbатов D.S., Bolshakov S.N. Teoriya tolpy v sovetskoy psikhologii 20-kh gg [Crowd theories in Soviet psychology of the 1920-s]. *Voprosy psikhologii — Issues of Psychology*, 2015, (2), pp. 130–139 (in Russian).
12. Gorbатов D.S., Bolshakov S.N. Fenomen tolpy v otechestvennoy psikhologii: dve dissertatsii 1907 g [Crowd phenomenon in Russian psychology: Two dissertations in 1907]. *Voprosy psikhologii — Issues of Psychology*, 2015, (5), pp. 116–124 (in Russian).
13. Kandinskiy V.Kh. Nervno-psikhicheskiy kontagiya i dushevnyye epidemii (Neuropsychiatric contagious and mental epidemics). *Priroda — The Nature*, 1876, 2 (4), pp. 138–191 (in Russian).
14. Karleyl T. *Geroi i geroicheskoye v istorii* (Heroes and the heroic in history). St. Petersburg: F. Pavlenkov Publ., 1891. 352 p. (In Russian).
15. Le Bon G. *Psychologie des foules (1895)*. Paris: Félix Alcan, 1905. 130 p. (In French). (Rus. ed.: Le Bon G. *Psikhologiya narodov i mass* [Psychology of peoples and masses]. St. Petersburg: F. Pavlenkov Publ., 1896. 329 p.).
16. Mikhaylovskiy N.K. *Sochineniya v 6-ti tomakh: tom 2* [Essays in 6 volumes: Volume 2]. St. Petersburg: Russkoye bogatstvo Publ., 1896. 886 p. (In Russian).
17. Obninskiy P. Contagion morale i kholernyye besporyadki [Contagion morale and cholera disorders]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugovornogo prava — Journal of Civil and Criminal Law*, 1893, (1), pp. 1–14 (in Russian).
18. Rezanov A.S. *Armiya i tolpa. Opyt voyennoy psikhologii* [The army and the crowd. Experience of military psychology]. Warsaw: Varshavskaya esteticheskaya tipologiya Publ., 1910. 103 p. (In Russian).
19. Sighele S. *La coppia criminale. Studio di psicologia morbosa*. Turin: Bocca, 1893. 163 p. (In Italian). (Rus. ed.: Sighele S. *Prestupnaya tolpa. Opyt kollektivnoy psikhologii* [The criminal crowd. Experience of collective psychology]. St. Petersburg: tip. Yu. N. Erlikh Publ., 1893. 116 p.).
20. Sidis B. *The psychology of suggestion*. New York: D. Appleton and Co., 1898. 386 p. (Rus. ed.: Sidis B. *Psikhologiya vnusheniya*. St. Petersburg: tip. B. N. Zvonareva Publ., 1902. 376 p.).
21. Sluchevskiy V.K. Tolpa i eye psikhologiya [The crowd and its psychology]. *Knizhki nedeli — Books of the Week*, 1893, (4), pp. 5–38; (5), pp. 5–23 (in Russian).
22. Tarde G. *Les lois de l'imitation*. Paris: Éditions Kimé, 1890. 428 p. (In French). (Rus. ed.: Tarde G. *Zakony podrazhaniya* [Laws of imitation]. St. Petersburg: F. Pavlenkov Publ., 1892. 370 p.).
23. Tarde G. *Les crimes des foules (extrait du Troisième Congrès International d'Anthropologie criminelle, 1892)* (in French). Available at: <https://www.cairn.info/revue-hermes-la-revue-1989-2-page-95.htm> (accessed 21.03.2019). (Rus. ed.: Tarde G. *Prestupleniya tolpy* [Crimes of the crowd]. Kazan: tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta Publ., 1893. 44 p.).
24. Tarde G. *L'opinion et la foule*. Paris: Les Presses universitaires de France, 1989. 184 p. (In French). (Rus. ed.: Tarde G. *Obshchestvennoye mneniye i tolpa* [Public opinion and the crowd]. Moscow: tov-vo A.I. Mamontova Publ., 1902. 202 p.).
25. Shklovskiy V.B. *Povesti o proze. Razmyshleniya i razbory* [The tale of prose. Reflections and analyzes]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1983. 639 p. (In Russian).
26. Allport F.H. *Social psychology*. Boston: Houghton Mifflin Co., 1924. 453 p.
27. Berkowitz L. The frustration-aggression hypothesis revisited. In: *Roots of aggression: A re-examination of the frustration-aggression hypothesis*. New York: Atherton Press, 1969, pp. 1–28.
28. Fournial H. *Essai sur la psychologie des foules: Considérations médico-judiciaires sur les responsabilités collectives* [Essay on the psychology of the crowd: Medico-judicial considerations of collective responsibilities]. Lyon: A. Storck; Paris: G. Masson, 1892. 113 p. (In French).
29. McDougall W. *An introduction to social psychology*. London: Methuen and Co., 1908. 355 p.
30. Sighele S. *L'intelligenza della folla* [Intelligence of the crowd]. Torino: Fratelli Bocca, 1903. 168 p. (In Italian).